

Любовь Моисеева-Элье, председатель Общественной наблюдательной комиссии по Калужской области

– **Любовь Александровна, расскажите, пожалуйста, почему Вы стали заниматься правозащитной деятельностью?**

– В 1998 году я выехала из Узбекистана в Россию на новое место жительства и на себе испытала все тяготы эмигрантской жизни. Депутат Татьяна Котлер, известная в Обнинске (наукограде, расположенном в 100 км от Москвы) своей правозащитной деятельностью, взяла меня к себе на работу, несмотря на мой заграничный паспорт.

Она занялась моей социальной адаптацией в обществе и воспитала из меня правозащитника. Теперь я помогаю адаптироваться и решать юридические проблемы новым мигрантам, которые хотят переехать в Калужскую область на жительство.

– **А почему Вы выехали из Узбекистана?**

– Это очень тяжёлая для меня тема. И я, и мой муж родились там, в городе Ангрене Ташкентской области, и трое наших детей родились там же. Я была последним русским редактором на Гостелерадиокомпании в Ташкенте, а до этого много лет проработала на радио в г. Ангрене.

С обретением независимости в 1991 году новое правительство Узбекистана первым делом объявило о переходе на национальный узбекский язык. Я языком достаточно хорошо не владела и поняла, что будущего у меня как радиожурналиста нет.

Позже я поняла, что не только для меня, но и для моих детей нет будущего в этой стране, и выехала с семьей.

– **Выходит, Вы вынужденные переселенцы?**

– Я жила в столице Узбекистана, работала в самом центре города, у меня было много друзей, знакомых. Но так случилось, что однажды я проснулась и почувствовала себя чужой, словно я не в своей стране.

Собрались акакалы, старейшины нашей семьи и сказали: «Выезжаем на историческую родину». Что такое «историческая родина», нам с мужем не было понятно. Когда-то наши предки жили в России, но это было так давно.

Моих родственников раскулачили в 1930 году. Из Тамбовской губернии их сослали в Голостепь, где они строили горную дорогу под Самаркандом. Все там выстроено руками моих дедов и прадедов.

А родственников моего мужа сослали из Украины после снятия ок-

Мигранты нужны России

ИНТЕРВЬЮ С ПРАВОЗАЩИТНИКОМ ЛЮБОВЬЮ МОИСЕЕВОЙ-ЭЛЬЕ

купации. Они в Ангрене добывали уголь. Уже третье поколение Моисеевых и Элье жили в Узбекистане, мы никуда не хотели уезжать: 300 дней в году солнце, 2 урожая, какая Россия? Какой Север?

– **Как Вас встретили в России?**

– Когда я приехала сюда, у меня на руках было два документа. Первый – Федеральный Закон о вынужденных переселенцах, который гарантировал многодетной

солнца! Это была очень сильная ностальгия. Но мы выжили, моя семья выжила.

– **Что изменилось в России с тех пор по отношению к мигрантам?**

– В 2009 году в России появился новый правозащитный механизм, его никогда ранее не было. Это защита прав человека в местах принудительного содержания, т. е. в местах, куда ни журналист, ни один нормальный человек

садили, к нему родственники приезжают, у него есть право на свидание – оно реализуется, у него есть право на получение посылок – оно реализуется.

У иностранца такое право тоже есть, но никто из родственников не приедет в калужскую тюрьму из Средней Азии и передачи не принесет.

– **Понятно, почему русские выехали в Россию, но зачем едут узбеки,**

Мигранты в Калуге нужны как воздух. Почему? Калуга пригласила сейчас много иностранных инвесторов. Они привезли новые технологии, чтобы их освоить, нужны работники соответствующего уровня: трудолюбивые, непьющие, ответственные, готовые обучаться. Таковыми и являются мигранты.

– **Во всём мире разработаны программы защиты и адаптации для мигрантов. Почему Россия до сих пор не может направить работу в цивилизованное русло?**

– Мигранты – это не только трудовые ресурсы, они наше культурное спасение. Почему Россия так себя ведёт? Я думаю: правительство очень сильно оторвано от своего народа, оно практически не зависит от него, сидит себе на нефтяных и газовых доходах, а народ не слушает. У народа, к сожалению, не очень много форм влияния на своё правительство.

С потоком мигрантов идет мощный культурный обмен между народами. Тысячелетнее уважение к старшим, которое в традиции у выходцев из Центральной Азии, нужно брать и прививать на калужской почве, потому что этого в местной культуре не хватает.

Концепция миграционной политики в России только разрабатывается, хотя прошло уже 20 лет со дня дезинтеграции Советского Союза. Но наше государство неповоротливое, за 20 лет оно только начало делать первый робкий шаг в отношении мигрантов.

– **Что конкретно надо сделать для ускорения адаптации мигрантов?**

– Донести до каждого, кто приехал в Россию, что он должен пройти языковые курсы, изучить историю края, где он собирается жить.

Расскажу вам смешной случай. Приехали мои знакомые из Душанбе в Воронежскую область. Приехали в деревню в дамских городских шляпках, с маникюром на руках. Купили у местного населения картошку по весне, посадили, сидят и ждут. Неделя прошла: картошки нет, две недели прошло – картошки нет. Они очень удивлялись и говорили: «У нас в Таджикистане картошка растёт на глазах, почему она здесь не растёт?»

Через месяц они оголодали, выкопали эту картошку и съели, так и не дождавшись урожая. Это говорит о том, что миграция для них была стрессом: они не понимали, куда они приехали, что это за земля, что она может, чего не может. Этого никак допустить нельзя. Как говорится, смех сквозь слёзы. Людям надо помогать адаптироваться.

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.

Полный текст: [http://www.](http://www.epochtimes.ru/content/view/47961/54/)

[epochtimes.ru/content/](http://www.epochtimes.ru/content/view/47961/54/)

[view/47961/54/](http://www.epochtimes.ru/content/view/47961/54/)

Молодые, трудоспособные мигранты готовы учить русский язык, готовы адаптироваться. Им нужно помочь в этом

матери социальную адаптацию и поддержку, вплоть до получения жилья, равноценного тому, что я оставила в Ташкенте.

Второй документ был на узбекском языке, он назывался: «Всеобщая Декларация прав человека».

К сожалению, Россия оказа-

с воли никогда не попадал.

В силу имеющихся международных обязательств, Россия должна была создать такой независимый институт. И она его, нехотя, но создала. Правозащитники подхватили эту идею, теперь почти во всех субъектах РФ соз-

киргизы и другие народы? Ведь здесь небезопасно для них?

– Я была в Узбекистане прошлым летом и не узнала своего города, хотя не была в нем всего семь лет. За неделю я встретила четырёх своих однокурсников. Они рассказывали, как живут сейчас, и это стало еще одним шоком для меня.

Я вам скажу: сейчас в Россию едет новое, неизвестное нам поколение мигрантов. Это в основном молодые трудоспособные люди, 90% из которых очень хорошо настроены к россиянам, к русским. Вчера у меня был на приеме молодой человек с Памира из города Бадахшан. Мне было приятно видеть, как он подаёт мне пиалу чая, прикладывая руку к сердцу, как делают на его родине – с уважением ко мне.

Сейчас в Калуге разрабатывается программа адаптации и на-

Сейчас в Россию едет новое, неизвестное нам поколение мигрантов. Это в основном молодые трудоспособные люди, 90% из которых очень хорошо настроены к россиянам.

лась не готова к приёму мигрантов, в том числе и к тем, кто просился как репатриант обратно домой. Нас оставалось за пределами России около 25 млн. русскоговорящих. Многие хотели приехать в Россию, и мы начали создавать группы самопомощи.

Таких групп в России организовалось около 300. Мы все объединились в течение 2-3 лет в большую сеть, которая называлась «Форум переселенческих организаций». Так я стала лидером одного из таких образований под Калугой.

– **Почему Вы выбрали Калугу?**

– Все было до смешного просто: мы с мужем расстелили карту новой России, закрыли глаза, ткнули пальцем, и выпала Калуга. Предопределило наш выбор то, что Калуга находилась недалеко от Москвы, но южнее, значит, хотя бы на один градус будет теплее. Я десять лет страдала без

даны такие правозащитные комиссии. Представители этих комиссий в любое время дня и ночи безо всякого уведомления и получения разрешения входят в места принудительного содержания: гауптвахты, дисбаты, тюрьмы, центры по приёму иностранцев на водворение, детские дома, психбольницы и т. д.

Тысячелетнее уважение к старшим, которое в традиции у выходцев из Центральной Азии, нужно брать и прививать, потому что этого в местной культуре не хватает.

Для меня открылось новое большое поле для правозащитной работы. Я немедленно занялась этим, сказав, что буду защищать права иностранцев, отбывающих наказание. Им ведь хуже всего в тюрьмах. Потому что, если местного человека по-

турализации таких мигрантов. Молодые узбеки уже плохо знают русский язык, носителей русского языка в их странах стало гораздо меньше. Но они трудоспособны, они готовы учить русский язык, готовы адаптироваться. Им нужно помочь в этом.